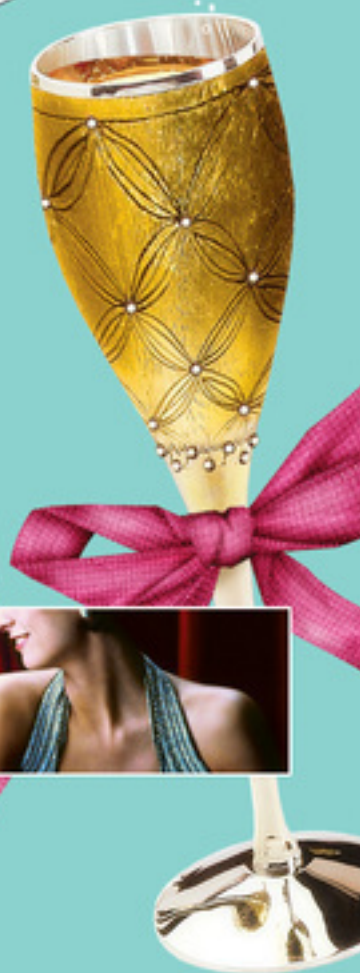

ОЛЬГА
БАСКОВА

ПОЗНАКОМЛЮ
СО СМЕРТЬЮ

Ольга Баскова

Познакомлю со смертью

«ЭКСМО»

2010

Баскова О.

Познакомлю со смертью / О. Баскова — «Эксмо», 2010

В крупном провинциальном городе одна за другой умирают от внезапного сердечного приступа женщины, каждая из которых владела своим бизнесом. Объединяет погибших одна деликатная проблема: неустроенная личная жизнь. Всем жертвам приходилось обращаться в брачное агентство, причем безрезультатно. Есть еще нюанс: у каждой перед смертью некто неизвестный позаимствовал десять тысяч долларов. И каждая, прежде чем умереть, успела кому-нибудь рассказать, что собирается замуж за самого лучшего мужчину на свете...

© Баскова О., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	35
Глава 16	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Баскова

Познакомлю со смертью

Глава 1

Глубокий сон прервала трель телефонного звонка. Было около шести, ей могли позвонить разные люди и в любое время, но она знала: это звонит он, ждала именно его и не могла ошибиться.

– Доброе утро, любимая, – чуть глуховатый голос звучал сладкой музыкой. – Не разбудил? Ты думала обо мне?

– Да, – от волнения у нее перехватило дыхание.

– Я тоже о тебе думал. И кое-что придумал. Слушай меня внимательно. Я приглашаю тебя отзавтракать со мной. Не отужинать или отобедать – это так банально, а именно отзавтракать. Есть такое слово в нашем великом и могучем?

– Будет с сегодняшнего дня, – засмеялась она, – если завтрак удастся.

– Завтрак удастся на славу, поверь. Но ты для этого тоже должна кое-что сделать. Во-первых, сообщи на работу, что сегодня не придешь. Увидишь, сегодня тебе будет не до работы.

– Хорошо, – согласилась она.

– Во-вторых, жду тебя в девять в том ресторане, куда мы заходили в первый день знакомства. Не забыла?

– Нет, – от его ласкового голоса по телу разливалось приятное тепло.

– Мне нравятся твои утвердительные ответы. Ты и не представляешь, как они мне пригодятся сегодня. Ну вот, почти все сказал. На сборы у тебя достаточно времени. Остальное услышишь при встрече. Я люблю тебя.

– И я тебя, – она мельком взглянула на часы и поняла, что промежуток между шестью и девятью покажется ей сегодня целой вечностью. – До встречи, любимый.

Вешая телефонную трубку, она подумала: наконец-то за несколько лет жизнь поворачивается к ней самой радостной солнечной стороной.

Верный своему обещанию, он ждал ее в маленьком ресторанчике, с огромным букетом ее любимых черных роз. Помогая ей сесть за изысканно сервированный столик, нежно поцеловал в мягкие душистые волосы.

– Сегодня у нас особый день, – он нежно посмотрел ей в глаза. – Я хочу тебе кое-что предложить. Как об этом говорит герой известного фильма? Хочу предложить покончить с нашей холостяцкой жизнью. Как ты на это смотришь?

– С удовольствием, – ее лицо излучало счастье.

– Тогда – за нас! – он поднял бокал с шампанским.

– За нас! – в тон ему ответила она, завороченно глядя на пенящийся напиток.

* * *

Начальник отдела полковник Алексей Степанович Кравченко знал, что его орлы не упомянут на оперативке один факт, поэтому, внимательно выслушав подчиненных, заметил:

– Генерал говорит, жалобу на вас собрались писать. В чем провинились?

– В этом месяце у нас прекрасная, почти стопроцентная раскрываемость преступлений, – подал голос капитан Костя Сковорцов, взъерошив ладонью белесые волосы. – А одна дамочка хочет все испортить. Вешает «глухарь» на отдел.

– Вот так прямо и вешает? Без всяких мотивов? – с иронией спросил полковник.

– Ну, приводит некоторые аргументы, – ответил майор Павел Киселев. – Требуется повторной судебно-медицинской экспертизы на предмет отравления. А вынесенный первой экспертизой вердикт – смерть от острой сердечной недостаточности – ее категорически не устраивает.

– Ознакомьте меня с делом подробнее и не забудьте про аргументы этой дамочки. Как ее зовут?

– Скопина Нина Ивановна, юрисконсульт фирмы «Атлантида-тур». Позавчера директор этой фирмы и ее близкая подруга, Яницкая Светлана Васильевна, была найдена мертвой у себя в квартире, – начал Киселев. – Заключение эксперта – смерть от острой сердечной недостаточности. Никаких признаков насилия на теле нет. По словам Скопиной, Светлана Яницкая в день смерти назначила встречу представителю конкурирующей фирмы. Обычно Светлана готовится к таким встречам и приходит на работу раньше часа на полтора. А тут остается полчаса до прихода конкурента, а ее нет. Нина отыскала Яницкую по мобильному, напомнила о встрече. Светлана ответила ей, что у нее сегодня особый день, что она вообще не хотела идти на работу, но встреча важная, поэтому сейчас она приедет в фирму и все расскажет. Десять минут спустя Яницкая подъехала на работу и сообщила Скопиной, что через несколько дней выходит замуж за потрясающего мужчину. Они вместе уже два месяца, но по его просьбе она об этом никому не рассказывала: будущий муж считает это плохой приметой. Дескать, если кто-то из женщин, на которых он собирался жениться, рассказывал об их планах задолго до свадьбы, она всегда расстраивалась. Нина Ивановна обиделась и высказала это подруге. Светлана попросила ее не сердиться: мол, все равно о свадьбе она узнала первая, первой приглашена, а когда и где состоится торжество, обещала сообщить вечером по телефону. После обеда она должна была встретиться с женихом, пройтись по магазинам и решить организационные вопросы.

Яницкая про встречу с конкурентом и забыла, в голове только и осталось, что свадебный завтрак и предстоящее свидание после обеда. Жених должен был позвонить ей и назначить место и время.

Пока Светлана рассказывала, Нина заметила, что состояние подруги заметно ухудшается. С каждой минутой ей все труднее и труднее говорить, она задыхалась, со лба стекал пот. Когда Нина задала Яницкой вопрос о самочувствии, та ответила, что у нее кружится голова и болит в груди, но все это, наверное, от выпитого вина и волнений. Она попросила Скопину принести ей таблетку анальгина, однако это не помогло. Светлана начала терять сознание, но отказывалась от «Скорой помощи». Тогда Нина Ивановна поручила шоферу их фирмы Федору Васильеву отвезти Светлану домой. Ключи от квартиры Яницкой у нее имелись. Подруги когда-то на всякий случай обменялись ключами: вдруг потеряются или еще что. Федор исполнил просьбу Скопиной. Он довез Яницкую до дома, потом буквально дотащил до квартиры, помог снять обувь и уложил на диван, укрыв пледом. Оба телефона, радио и мобильный, положил на тумбочку возле дивана, предположив, что начальницу могут побеспокоить. Потом закрыл дверь на ключ (это Скопина ему велела, боясь: вдруг кто-то видел, в каком состоянии Светлана, и залезет в квартиру), вернулся в фирму и отчитался перед Скопиной. Нина Ивановна сама провела переговоры, а потом позвонила подруге. Но оба телефона не отвечали. Тогда она и Васильев поехали на квартиру Яницкой, открыли дверь и увидели ее лежащей на диване в том положении, в каком ее уложил шофер. Яницкая не подавала признаков жизни. Они вызвали «Скорую». Врачам лишь оставалось констатировать смерть.

Как мы уже сообщали, судебно-медицинская экспертиза установила причину, однако Скопина с ней не согласна. Она задает такой вопрос: «Куда делся жених?» Светлане никто не звонил, автоответчик зафиксировал только звонки самой Нины. На мобильном тоже никто не отметился. И вообще в записной книжке мобильного нет неизвестного Нине Ивановне телефона. Как же они общались? Если их отношения дошли до свадьбы, почему жених не разыскивает Светлану? Почему сделал такую тайну из их встреч? Ведь его никто не знал и не видел, даже вездесущие пожилые соседки.

– И после этого вы отказываете ей в повторной экспертизе? – спросил полковник. – Назначайте. О результатах отчитаетесь.

Глава 2

Повторная экспертиза кое-что выявила. Недовольный Скворцов хмуро смотрел на судмедэксперта Станислава Михайловича, объяснявшего ему действие лекарства, обнаруженного в крови потерпевшей.

– Это алкалоид, – говорил судмедэксперт. – Вещество хорошо растворяется в жидкости и, добавленное в большом количестве, вызывает остановку сердца. Необычный вкус можно заметить, если растворить в обычной воде, в любом другом напитке он не чувствуется. Через полчаса будет наблюдаться ухудшение состояния здоровья. Спасти могут только молниеносно принятые меры. В противном случае – смерть.

– Так и знал, – раздраженно заметил Скворцов. – Она таки повесила на наш отдел «глухарь». У нас никаких зацепок, и ты мне ничего утешительного не сказал.

– Не знаю, прав ли я и поможет ли мое умозаключение, но мне кажется, что человек, приготовивший это, с позволения сказать, снадобье, имеет отношение к медицине. Далеко не каждый знает, какое именно количество препарата обеспечит летальный исход. Мое мнение – ищите человека, близкого к медицине, – заключил Станислав Михайлович. – Химика, врача, биолога. Я ставлю на врача.

Но Скворцова это не обрадовало:

– Ага, теперь будем каждого доктора проверять. Вот с тебя и начнем.

– Ну, друг мой, ты вечно недоволен. А между тем у вас есть первая и очень существенная зацепка. Пока, – Станислав Михайлович повернулся и пошел в лабораторию. До него донеслось бурчание Скворцова:

– По первой жертве Джека-потрошителя тоже сделали вывод, что орудовал медик. До сих пор ищут!

* * *

Нина Ивановна Скопина сидела в кабинете Павла Киселева и вытирала платком покрасневшие глаза.

– Поверить не могу, – всхлипывала она. – Светочки больше нет! В голове не укладывается. Для меня это такая потеря! Мы ведь еще со школы дружили.

– Нина Ивановна, – Киселев ужасно не любил подобные допросы. Надо бы дать человеку хоть какое-то время пережить трагедию. Но именно это время и дорого, когда речь идет о преступлении. – Нина Ивановна, вам, как юристу, я должен задать вот какой вопрос. Это не может быть сведением счетов или убийством по заказу? Ведь ваша подруга все-таки занималась бизнесом, была директором довольно известной туристической фирмы.

Нина удивленно подняла на Павла заплаканные глаза.

– Наша фирма если и может что-то себе позволить, то только поднять цены на путевки. Тогда количество клиентов резко уменьшится. Выгодно ли нам это? Связей с криминалом у нас тоже нет. Наш владелец – честный предприниматель, и «Атлантида» – не отмывание грязных денег. Вот вы сказали про Светочку «директор довольно известной фирмы», а ведь «Атлантида» стала известной только благодаря ей. Светочка такая талантливая... была, – Нина запнулась и тихо заплакала.

Киселев наполнил водой стакан и протянул женщине. Она судорожно глотнула.

– Я уверена, что это не убийство из ревности или мести, – продолжила она. – Не все любили Светлану, но врагов у нее не было. Моя подруга была очень порядочным, хотя в то же время весьма специфическим человеком. Единственная дочка у родителей, людей обеспечен-

ных и довольно влиятельных. В семье все было для Светочки. И она это заслуживала. Умница, красавица. Знала себе цену и считала, что ее должно окружать самое лучшее. Это ведь не недостаток, правда? – Нина взглянула на Павла. – Каждый из нас мечтает об этом, однако не каждый об этом скажет вслух. А Света говорила и не боялась, что о ней подумают не то. В школе ее окружали самые достойные мальчики, но ни один из них ей не приглянулся. После школы поступила в местный университет на факультет международного туризма. Представьте, в нее был влюблен весь курс. Она великолепно танцевала, пела, играла на гитаре. Кроме того, отлично училась, и ей уже с начальных курсов прочили большое будущее. И Сергей Иванченко, бывший муж Светланы, не обошел вниманием такую девушку. Сережа был хорош собой, старше моей подруги на два года и, что немаловажно, умен и перспективен. Буквально через несколько дней после того, как они начали встречаться, Света нас познакомила. Я училась там же, где она, только на юрфаке. Другой факультет, но одно учебное заведение. Кое-кто из моих однокурсников знал Сергея и очень нелестно о нем отзывался. Нет, я не могу сказать, что Сережа плохой и его следует проверить на причастность к убийству. – Женщина уже окончательно успокоилась, и Павел видел: она старается рассказывать то, что ей кажется важным для дела. – Сережа так же, как и Света, хотел, чтобы его окружало все самое лучшее. В то время достойней, чем Света, кандидатуры на роль жены он не нашел. Я присутствовала на их свадьбе, они оба казались такими счастливыми, но меня не покидала мысль, что это ненадолго. Правда, какое-то время они все-таки были счастливы. Светочка постоянно восхищалась Сережей, с восторгом рассказывала обо всем, что он сделал, что сказал, подсмеивалась над моим мужем Гришей, далеко не таким ярким, как Сергей. Долгое время она не видела в Грише его главного достоинства: за таким мужчиной женщина всегда будет как за каменной стеной. К сожалению, мои предчувствия по поводу Светиного брака сбылись. После окончания университета Сережу взяли в крупную туристическую фирму, и дочка шефа показалась ему более подходящей женой. Света очень тяжело пережила развод. Она бросила Сергею в лицо купленное им обручальное кольцо, снова стала носить девичью фамилию, месяца полтора не хотела ни с кем общаться, даже со мной, но всегда брала себя в руки, когда дело касалось учебы: продолжала отлично учиться и надеялась, что ей предложат хорошее место. «Знаешь, чего мне больше всего хочется? – спросила как-то она меня перед выпуском. – Чтобы Сережка, когда-нибудь увидев меня, красивую, преуспевающую, пожалел о нашем разрыве на всю оставшуюся жизнь. Чтобы однажды позвонил и признался: страдает, поняв, кого потерял». Я знала, что Света следит за всеми Сережиными успехами. А ему везло. Тесть вскоре передал Иванченко руководство фирмой. С женой, по рассказам общих знакомых, они жили душа в душу.

Учась на последнем курсе, Света начала сама подыскивать себе будущее место работы. Для меня загадка, почему она остановилась на «Атлантиде». Сами знаете: в городе есть куда более престижные организации. На мой вопрос подруга ответила: «Атлантида» поможет мне сделать карьеру».

Позже Светлана объяснила, как именно: «В хороших фирмах, – говорила она, – все делают правильно, все на своих местах, и продвинуться невозможно. Понаблюдав за «Атлантидой», я поняла причины ее неудач. В ней работали люди, далекие от туризма и от бизнеса вообще. Хозяин набирал их от фонаря и сам не знал, что надо делать. Я договорилась с ним о встрече и спросила, на что могу рассчитывать, если за полтора года превращу его захламленную контору в процветающую организацию. Он поинтересовался, чего бы мне хотелось. Я не мелочилась: «Рассчитываю на директорское кресло».

«Получишь, если поднимешь «Атлантиду», – кивнул он.

«Дело в том, Нина, – рассказывала Света, – что раньше там предлагались неинтересные, но дорогие маршруты, работники фирмы палец о палец не ударяли, чтобы внести какие-нибудь изменения, например, покрутиться и сделать путевки дешевле, условия – комфортнее, а путе-

шествия – интереснее. Впрочем, если бы они даже и подсустились, мало что получилось бы: среди них не было ни одного профессионала».

Подруга, которую владелец назначил для начала заместителем директора, прежде всего сменила персонал. Каким образом ей удавалось переманивать людей – это для меня загадка. Уже через три года дела фирмы пошли настолько хорошо, что потребовалось расширение штата. Так в «Атлантиде» оказалась и я. Еще через полгода мы сменили захолустную комнатушку на шикарный двухкомнатный офис, и Светлана села в директорское кресло. Хозяин сдержал слово.

Нина сделала паузу и продолжала:

– Вам может показаться, что все происходило как по взмаху волшебной палочки, однако это не так. Света работала как каторжная. Не помню, когда она последний раз была в отпуске. Все силы отдавала работе. Я не раз говорила ей о необходимости устроить личную жизнь, но она и слушать не хотела. Почему – это я поняла, когда на одном из банкетов, куда были приглашены все солидные люди города, мы с ней встретили Сергея с женой. Я увидела, как он под руку с супругой идет в нашу сторону, и отметила про себя, что он мало изменился и шикарно выглядит. Света тоже заметила семейную пару и побледнела. Наверное, в мечтах она представляла себе эту встречу вовсе не так. Но чета Иванченко направлялась не к нам, просто проходила мимо. Сергей мельком взглянул на нас, сказал: «О, и вы здесь? Привет!» – и гордо прошествовал к приветствовавшей их компании. В этот момент я заметила в Светиных глазах такую боль, какой не видела никогда, и поняла: все, что делала Света, было для Сергея, она все еще надеялась. И еще поняла: Сергей никогда не вернется к моей подруге, никогда не пожалеет о случившемся, никогда не раскается. Несколько брошенных им слов были сказаны таким равнодушным тоном, ему даже определение не подберешь. Знаете, можно сказать «я тебя люблю» с ненавистью или «я тебя ненавижу» – с любовью. А Сергей просто констатировал факт. В таких случаях говорят: «Странно, что еще помнит». Конечно, аналогичные мысли посетили и Свету. Она шепнула мне на ухо: «Ностальгия закончилась. Будем устроить личную жизнь».

Нина вздохнула:

– Порой Светка страдала какой-то одержимостью. Решила найти нового мужа – и все мысли только об этом, своими просьбами о знакомстве меня и других друзей просто замучила. Лишь бы кого, естественно, не хочет, а достойного, как назло, нет. Подруга рвала и метала, случались даже истерики. Я понимала, чем это вызвано – желанием доказать пресловутому Сергею, что и она может быть кому-то интересна. Каждый вечер после разговоров о делах мы говорили о мужчинах. Но, знаете, когда чего-нибудь страстно жаждешь, быстро не получается. Светка металась, не знала, как ускорить процесс, и вдруг, месяца два назад, прекратила подобные разговоры. Я, дура, обрадовалась. Думаю, успокоится и тогда встретит свое счастье. – Скопина опять начала всхлипывать.

– Не рвите сердце, Нина Ивановна, – успокоил ее Павел. – Сомневаюсь, что вы чем-нибудь смогли бы ей помочь. Ответьте, пожалуйста, вот на какой вопрос. Вы сказали, что вы и ваши знакомые пытались устроить личную жизнь подруги. Не познакомили ли ее с врачами, биологами, химиками?

Нина наморщила лоб:

– Что-то припоминаю. Да, конечно, Рита Омельченко познакомила ее с кардиологом. Очень положительный мужчина. Не знаю, что Светочку не устроило.

Записав телефон Омельченко и поблагодарив Скопину, Киселев протянул ей пропуск.

Глава 3

– Да, – вздохнул Кравченко, выслушав доклад Киселева. – Много сказано, но зацепиться почти не за что. Займись-ка этим кардиологом. Только что-то он слишком хорошо подходит на роль убийцы. Как-то быстро и легко мы на него вышли. Сам знаешь, так бывает, конечно, только очень редко. Кроме того, ты, Скворцов, займешься связями Яницкой. Она вовсе не обязана была посвящать Скопину во все свои дела, и милейшая Нина Ивановна могла знать о своей подруге далеко не все.

Рита Омельченко бойко и многословно расписывала Киселеву достоинства несостоявшегося кавалера Яницкой, врача-кардиолога Петра Семеновича Гурова, и требовала полного отчета, зачем вдруг такой человек понадобился следствию. Павел понимал, что неработающей женщине страшно хотелось пообщаться: скучно сидеть целый день дома и заниматься хозяйством. Лавируя, как парусник в коралловых рифах, между ее вопросами, Киселев получил, наконец, желаемый телефон врача, галантно пообещав милой даме как-нибудь навестить ее и рассказать о трудной профессии сыщика.

* * *

– Надеюсь, он уже дома, – сказал Скворцов, нажимая кнопку звонка квартиры Гурова. Послышались торопливые шаги, дверь открылась, и перед ними предстал невысокий подтянутый молодежавший мужчина.

– Гуров Петр Семенович? – спросил Павел.

– Он самый, – улыбнулся мужчина. – А с кем имею честь?

Константин и Павел показали свои удостоверения. Гуров заметно побледнел. «Неужели?» – пронеслось в мозгу.

– Зачем же я вам понадобился? – он изо всех сил пытался выглядеть непринужденно и раскованно.

– Мы хотим задать вам несколько вопросов о Яницкой Светлане Васильевне, – ответил Скворцов.

На лице Гурова отразилось заметное облегчение.

– И что же вас интересует?

– Все, что касается ваших с ней отношений, – Киселев не отрывал от него глаз.

– Боюсь, я вам мало чем помогу, – рассмеялся Гуров. – Между нами не было никаких отношений.

– Нам кажется, не время для веселья, – оборвал его Константин. – Вы в курсе, что Светлана Яницкая скончалась три дня назад?

На этот раз лицо Гурова выразило не испуг, а удивление:

– Но как? Почему?

– Официальная версия – сердечная недостаточность, – ответил Павел.

– Вы хотите сказать: есть неофициальная? И потому вы здесь? Но при чем тут я?

– Неофициальной версии у нас нет, – Скворцов видел, что Гуров полностью расслабился, то есть вел себя как человек, которому совершенно нечего бояться. – Но когда молодая, здоровая женщина внезапно умирает, мы должны проверить все.

– Понимаю, – вздохнул Петр Семенович. – Как это там у Булгакова? «Хуже всего, что человек внезапно смертен». По-моему, это ответ на ваши вопросы.

– Если бы это был ответ на все вопросы, – заметил Киселев, – наша организация логически изжила бы себя. Поэтому вам все-таки придется дать нам парочку ответов.

– К вашим услугам, – поклонился Гуров. – Проходите. – Радость переполняла его. «Они не знают, они не знают», – крутилось в голове.

– Итак, не жаловалась ли Яницкая на состояние своего здоровья? Не заметили ли вы, как врач, наличия у нее каких-либо симптомов сердечной болезни? – спросил Скворцов.

– Боюсь, мне придется во всех подробностях рассказать историю, как вы выразились, наших отношений. Кстати, чего же мы стоим? Прошу, – он показал рукой на диван. – Итак, история нашего знакомства такова. Мне позвонила одна милая особа, наверное, небезызвестная вам Маргарита Александровна Омельченко, и предложила познакомиться с потрясающей женщиной. Смею добавить, Маргарита – милый человек, только один у нее недостаток: любит влезать в чужую жизнь. Я мужчина одинокий, нам, холостякам, несладко живется. Ну и подумал: отчего ж не познакомиться? Позвонил Светлане, пригласил в кафе. Мы очень мило побеседовали часика этак два, потом расстались, поняв, что это свидание первое и последнее. Ни я не попросил разрешения позвонить еще раз, ни она не предложила. Естественно, за два часа мы не касались состояния чьего бы то ни было здоровья. Внешне Света показалась совершенно здоровой, но это вовсе не означает, что она не страдала сердечными болезнями.

– И больше вы не виделись? – поинтересовался Скворцов.

– Не виделись, но еще раз пообщались по телефону. На следующий день после нашего свидания мне позвонила Маргарита, спросила, как дела, и настояла (а она умеет быть очень настойчивой), чтобы я еще раз позвонил Светлане, дескать, женщина в глубокой депрессии, я, как врач, должен это понять и помочь. Я понял и позвонил, но Светлана меня вежливо отшила. Это все, клянусь вам. Ах да, и про состояние ее здоровья, – добавил он.

– Как вы думаете, почему вы не понравились Яницкой? – задал вопрос Павел, оглядывая стройную фигуру и довольно приятное лицо Гурова. – И вам чем она не приглянулась?

– Понравились, не понравились – это ребячество, молодой человек, – назидательно сказал Гуров. – В нашем возрасте уместнее говорить: подошли – не подошли, устроили – не устроили.

– Хорошо, – согласился Киселев, – чем вы друг друга не устроили?

Петр Семенович на секунду задумался.

– Понимаете, – ответил он, – Свете был нужен умный, напористый, энергичный мужчина. Я далеко не таков, а ведь и более молодых людей не переделаешь. Мне же, в свою очередь, нужна женщина домашняя, спокойная, любящая уют. Я плохо представляю себя рядом с бизнес-леди. Кстати, Света чем-то напоминала мою бывшую жену. Не скажу, что та была плохим человеком, но наш брак оказался недолговечным: мы и года не прожили. Не повторять же прошлых ошибок, правда?

* * *

– Что ты думаешь об этом типе? – спросил Киселев Скворцова, садясь с коллегой в свою старенькую «шестерку».

– Не знаю, – честно признался Константин. – С одной стороны, рассказ звучит довольно правдиво. Правда, с фотороботом, который мы сделали со слов официанта, обслуживавшего в то утро Яницкую с так называемым женихом, сходство имеется. А с другой стороны, ты видел его испуг, когда мы показали удостоверения?

– Самый настоящий страх, – согласился Киселев. – Знать бы, чего милому кардиологу так бояться.

– Пожалуй, надо взять его на заметочку и проследить, – задумчиво произнес Скворцов. – Ладно, едем докладывать шефу, что мы не сдвинулись с мертвой точки.

Глава 4

На следующее утро Петр Семенович Гуров шел на работу в плохом настроении. В голове вертелась мысль, порожденная вчерашним визитом, и он не мог решить, как поступать дальше.

«Весьма вероятно, что им ничего не известно, – думал Гуров, – и все равно надо быть предельно осторожным».

Он вошел в свой кабинет, переоделся, вымыл руки и отправился на осмотр больных своего отделения. Старшая медсестра Мария семенила рядом, на ходу докладывая обстановку:

– Кошкаркову значительно лучше, Ивановой я вчера делала капельницу, Костенко продолжает жаловаться на головную боль. В общем, все по-прежнему, тяжелая у нас одна Федотова.

Анну Петровну Федотову привезли два дня назад с обширным инфарктом. Вчера вечером ей стало лучше, но Гуров ушел домой, не побеседовав с ней, считая это излишним: все необходимые меры приняты. Сегодня он первым делом отправился в ее палату. Анна Петровна, худенькая миловидная женщина лет тридцати пяти, лежала на постели с закрытыми глазами. Петр Семенович аккуратно обогнул капельницу и присел на кровать. Больная пошевелилась и открыла большие черные глаза.

– Анна Петровна, как вы себя чувствуете? – участливо спросил Гуров.

– Лучше, – женщина говорила с трудом, – мне уже лучше.

– Анна Петровна, вы в курсе, что с вами было? – опять задал вопрос врач.

– Да, – тихо ответила больная.

– Вы, наверное, знаете, что после инфаркта больной нуждается в очень серьезном лечении. Вам понадобится уход. У вас есть родственники?

Анна Петровна отрицательно покачала головой.

– Ни детей, ни родителей? – поинтересовался Гуров.

– Родители умерли, детей нет, – лоб больной покрылся испариной.

– Бывает, что в таких случаях откликаются дальние родственники. У вас был муж? Может быть, он или его родня?

– Муж погиб в автокатастрофе. У него никого не было, – Анна Петровна закрыла глаза.

– А коллеги? – продолжал спрашивать Гуров. – Где вы работаете?

– На почте, разношу газеты. Раньше работала в ЦКБ, я инженер. Организацию закрыли. Федотова хотела еще что-то сказать, но Гуров перебил ее:

– Анна Петровна, мне важно знать, кто станет помогать вам. Бывшие коллеги, друзья – кто-нибудь сможет?

Женщина отрицательно покачала головой:

– Я сама.

– Допустим. Тогда следующий вопрос: есть ли у вас деньги? Лекарства, которые быстро поднимут вас на ноги, стоят очень дорого.

– Откуда у меня деньги? – больная попыталась улыбнуться.

– Вы поняли суть вопроса? Они вам понадобятся. Может быть, есть ценные вещи, которые можно продать? Сейчас ничего не нужно жалеть, уверяю вас. Речь идет о вашей жизни.

По выражению лица Федотовой Петр Семенович знал, какой ответ услышит.

– У меня нет ценных вещей. Только квартира. Но если я продам ее, мне негде будет жить.

– Понятно, – Гуров поднялся с постели больной, – отдыхайте. Придется обходиться теми лекарствами, которые выделяют больнице.

Петр Семенович уже подошел к двери, когда до него донесся слабый голос больной:

– Значит, я умру?

«Обязательно», – подумал Гуров, но вслух сказал:

– Анна Петровна, откуда такие мысли? Просто лечение будет длительным, но мы вас на ноги поставим.

* * *

– Кому ты поручил наблюдение за Гуровым? – поинтересовался полковник Кравченко у Киселева.

– Саше Литовченко, – бодро ответил тот, – он же у нас лучший в этом деле.

– Я тоже так считаю. После твоего рассказа у меня какие-то двойственные чувства по поводу кардиолога, – Алексей Степанович подошел к окну. – Думаю, он не убивал, но чутье подсказывает, что слежку мы организовали правильно.

– Мы с Константином тоже так решили, – улыбнулся Павел.

– Связи Яницкой проверили?

– Конечно, Алексей Степанович. Чисто, все, как рассказывала Скопина. А нам хоть бы маленькую зацепочку.

Кравченко вздохнул:

– Не нравится мне это дело, ой как не нравится!

Глава 5

Вика неторопливо шла в офис. Она специально отпустила такси за два квартала до работы, надеясь, что вечерняя прогулка и прохладный свежий воздух избавят ее от давящей боли в голове и стеснения в груди, затрудняющего дыхание. Прав был Олег, посоветовавший ей ехать домой и ложиться спать, тем более что завтра предстоит много хлопот, пусть даже приятных. Вика согласилась и, сославшись на головную боль, заявила, что просит понять и не ехать с ней до дома. Ей показалось, что он не против, так как сам, по его словам, чертовски устал за эти дни. На самом деле причина, по которой Вика отказывалась от общения, крылась не в самочувствии. В глубине души женщина ненавидела и презирала себя, поскольку ей единственной было известно истинное положение дел: с собственным секретарем-референтом, Элечкой, она соперничала несколько лет. Причем та ничего не замечала и искренне ценила и уважала начальницу, Викторию Владимировну Головку, блестящего профессионала, владелицу собственной адвокатской конторы. Причины соперничества между нею, тридцатилетней женщиной, и восемнадцатилетней студенткой юрфака Вика оценивала объективно: Эля была олицетворением человека, от рождения владевшего всем тем, чего Виктории пришлось достигать потом и кровью.

То, что дорогу в жизни придется пробивать лбом, Вика поняла еще в детстве. Ее родители были работниками колхоза, жителями деревни, пусть даже и передовиками производства. Может, они и могли дать ей путевку в жизнь, но явно не ту, какую она хотела. Еще учась в школе, Вика объективно оценила возможности родителей и с того момента сама ставила перед собой задачи и сама решала их. Сначала это была золотая медаль в школе, потом юрфак университета, который она штурмовала три года. Кем только за это время она не работала! И посудомойкой в столовой, и официанткой в баре, и санитаркой, и уборщицей... Когда же во время учебы в университете ее объявляли лучшей, считали гордостью факультета, а после окончания выдали красный диплом и предложили прекрасное место работы, Вика смеялась и плакала. Ей было жалко потерянных лет, но в конце концов она заставила себя забыть о них и идти дальше к намеченной цели – стать блестящим адвокатом. И это ей удалось.

Еще каких-то два года назад женщина считала себя невероятно удачливой. Перемена самооценки произошла тогда, когда, возвратившись однажды с банкета в свою хорошо обставленную квартиру в престижном районе, Вика поняла, как одинока. Никто ее не ждал, не с кем было поделиться своими успехами, радостями и невзгодами. Женщина сознавала, что отчасти виновата в этом сама. Да, она не красавица, но было немало людей, которые бы хотели построить с ней семью. Вике тогда казалось, что, начни она заниматься личной жизнью, окажется не до карьеры. И вот карьера сделана. Все знают ее как блестящего адвоката. Но надежного мужского плеча рядом нет. Женщина усиленно начала искать спутника жизни, но ей, как назло, попадались либо альфонсы, либо женатые, предлагавшие то, что ее не интересовало. Вот тогда и зародилась зависть к Эле и постоянное стремление доказывать этой сопливке, что она не хуже.

Эля, хорошенькая белокурая девушка, похожая на куклу Барби, была дочкой генерал-лейтенанта юстиции. Вика считала, что папа стал самым большим подарком, преподнесенным девушке жизнью. Отсюда и золотая медаль, и поступление на юрфак с первого захода, на заочное отделение, чтобы любимое дитя, не дай бог, не переутомилось. Работа в офисе секретарем-референтом не портила холеных белых ручек и евроманикюра, зато прокладывала дорогу в будущее (наверняка девушку ожидала собственная контора). В довершение ко всему Элечка имела красавца жениха на навороченной машине, министерского сыночка, студента престижного вуза, который исправно встречал девушку после работы.

Вид счастливой девушки, рожденной с готовой карьерой, раздражал Вику. Она не раз подумывала о том, что надо бы уволить Элю и взять на ее место какую-нибудь несчастную старую деву, но потом приходила к выводу, что окажется в проигрыше. Конечно, можно было выжить соплячку, не ссорясь с папой-генералом, просто завалить ее работой так, чтобы та, несмотря на свои исполнительность и усердие, света белого невзвидела. Но, поразмышляв, Вика поняла: этот односторонний конфликт помогает ей не останавливаться на достигнутом, идти вперед и не думать, что в жизни она достигла всего и пора ставить точку. Она тайно бросила Эле вызов, и это чувство заставляло ее сейчас идти на работу.

Было уже около семи, но девушка еще сидела в офисе и печатала материалы по процессу, на котором Вика должна была выступать. Увидев входящую начальницу, секретарь удивленно спросила:

– Вы все-таки решили прийти?

– Да, – Вика устало села в свое кресло, – хочу еще раз изучить материалы нашего последнего дела, возьму почитаю дома. Кстати, сделай себе пометку: в ближайшие дни договориться с Говоровым о встрече на предмет слияния наших контор.

Лицо Элочки вытянулось:

– Виктория Владимировна, вы ничего не путаете? Говоров наш конкурент, на его аналогичные предложения вы всегда отвечали отказом. Что случилось?

«Вот он, момент», – пронеслось в голове, и Вика сказала, стараясь придать голосу спокойствие и непринужденность:

– Случилось то, Эля, что через несколько дней я выхожу замуж. У меня появится семья, и я уже не смогу столько времени уделять работе. Возможно, будь я мужчиной, это событие прошло бы незаметно. Однако я женщина... – она попыталась улыбнуться, но лицо исказила гримаса боли. – Эля, будь добра, дай мне таблетку анальгина. Это все предсвадебный ужин. Не надо было пить столько шампанского.

Последние слова Вика произнесла с усилием. Все плыло перед глазами, боль в груди становилась нестерпимой. Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание, – испуганные глаза Эли, протягивающей ей таблетку и стакан воды.

Глава 6

– Итак, у нас следующая жертва, – полковник Кравченко тяжело вздохнул. – Головки Виктория Владимировна, владелица юридической конторы. Впрочем, все вы ознакомлены с материалами дела и в курсе, что почерк убийцы тот же.

– Как по нотам, – вставил Киселев, – предложение руки и сердца, ресторан, смерть от острой сердечной недостаточности и следы того же алкалоида в крови.

– Ты забыл добавить: и больше никаких следов, кроме некоторого сходства с фотороботом жениха Яницкой, составленного официантом ресторана. О таинственном женихе Головки также никто не знал, никто его не видел, – заметил Скворцов.

– И опять мотив непонятен, – вздохнула Лариса, хорошенькая голубоглазая молодая женщина, старший лейтенант, давно мечтавшая о работе в отделе Кравченко и наконец получившая ее.

– Вот это меня больше всего и беспокоит, – Алексей Степанович поднялся с кресла и стал мерить шагами кабинет. – Мотив, конечно, есть, и, если мы его найдем, дело сдвинется с мертвой точки. Знакомства, связи Головки проверены?

– Конечно, товарищ полковник. Никаких точек пересечения, разве что случайных, с первой жертвой, – ответил Киселев.

– И все же причина есть, – начала рассуждать Лариса. – Должна быть, если мы не имеем дело с маньяком. Как бы хорошо вписалось сюда ограбление! Обе обеспеченные женщины, даже более чем обеспеченные, просто богатые. Если это не ограбление, что же нужно было от них преступнику? Ну допустим, Головки он убил как юриста, она могла по мере изучения очередного дела узнать что-нибудь нежелательное. А Яницкую? Головки не вела никаких дел, связанных с туристическим бизнесом.

– Стоп! – Кравченко жестом приказал Ларисе замолчать. – Девочка сейчас бросила одну очень важную реплику. Женщины не просто обеспеченные, а богатые. А это говорит о том, что они не держат деньги дома в чулках.

– Понял! – обрадовался Киселев. – Необходимо проверить их банковские счета.

Через полчаса на столе полковника лежали распечатки банковских счетов обеих женщин. В них, несомненно, имелось нечто общее. Всем бросилось в глаза, что обе жертвы незадолго до смерти сняли со счета по 10 000 долларов, не перевели, а именно сняли, и больше эти деньги нигде не мелькали: ни одна, ни другая не делали вложений или крупных покупок. Следовательно, деньги должны находиться дома или в офисе. Но их там не нашли.

– Все-таки ограбление, – произнесла Лариса.

– Ага, уже легче, – Киселев дружески потрепал Ларису по плечу, – теперь мы уж точно его поймем. Осталось найти гражданина, скрывающего у себя 20 000 условных единиц, полученных от Яницкой и Головки. Может быть, дать объявление в газету?

– Перестань дурачиться, – Кравченко неодобрительно посмотрел на Павла. – Я должен проговаривать следующий шаг?

– Запросить в банках информацию о тех, кто в последнее время клал на свой счет такую сумму, – ответил Скворцов.

– Вот и выполняйте как можно быстрее, – лицо полковника внезапно исказилось, и он с силой ударил кулаком по столу, крикнув: – Поймите, на очереди у преступника следующая женщина, а мы даже не можем выступить в средствах массовой информации. Что мы скажем? Кого будем предостерегать? От чего? У меня у самого дочь! Что стоите и смотрите? – накинулся он на оперативников. – Выполняйте приказ!

Глава 7

Если бы Виктория Головки познакомилась с Таней Ларцевой раньше, чем с Элочкой, предметом ее зависти и недовольства стала бы, несомненно, она. Папа-генерал не шел ни в какое сравнение с папой – крупным бизнесменом, еще в перестроечные времена умевшим все, к чему ни прикасался, превращать в деньги. Первый в городе кооператив Александра Ларцева по пошиву детской одежды принес ему миллионные прибыли. Все знавшие Александра говорили, что его домочадцы едят из золотой посуды и спят на золотых кроватях. Это, конечно, было преувеличением, однако Ларцевы не без основания считались одной из самых богатых семей города. Татьяна выросла в роскоши, но родители правильно воспитали ее, и деньги не развратили девушку и не внушили презрения к менее обеспеченным людям. Полное материальное благополучие (после кооператива Ларцев открыл фирму по продаже компьютеров) означало для Тани проблемы прежде всего со сверстниками. Одни настолько завидовали богатенькой девочке, что общались с ней постольку-поскольку, другие буквально лезли в друзья, но их желание общаться было связано с желанием чем-нибудь поживиться. Такие бесцеремонно влезали в машину, забиравшую Таню после школы, без зазрения совести занимали у нее деньги, не думая когда-либо отдавать их. В конце концов с такими друзьями она расставалась без сожаления.

Надо сказать, что Таня вообще не расстраивалась по этому поводу. В один прекрасный день она поняла: у нее есть близкий друг, и этот близкий друг – мама, Алевтина Николаевна. Знавшие мать и дочь Ларцевых удивлялись крепости их отношений. Пресловутым конфликтом поколений здесь и не пахло. Таня не имела ни одного секрета, о котором не знала бы мама. В двенадцать лет девочка начала вести дневник, но не для того, чтобы поверять бумаге свои секреты: они все были известны Алевтине Николаевне. Просто Тане нравился сам процесс рождения «литературного произведения». Сначала она мечтала стать писательницей, однако, повзрослев, поняла: другого произведения, кроме дневника, не создаст. Девушка не огорчилась. Услышав однажды разговор матери и отца о том, как трудно найти толкового экономиста, пошла на экономический и так увлеклась, что забыла о своей детской мечте. В университете она училась блестяще. Ее красный диплом не стоил папе ни доллара. Усердие дочки Ларцева больше всего удивляло преподавателей. Некоторые из них подходили перед экзаменом к Татьяне и спрашивали, не желает ли она побережь свое здоровье и не приходите на сессию. Не может ли ее папа подвезти на днях в университет по этому вопросу? Девушка сначала смеялась в лицо тем, кто обращался к ней с таким предложением, потом резко отвечала, что если папа приедет, то отправится не сюда, а в ректорат писать жалобу по поводу вымогания денег. Таня, в отличие от многих студентов, вгрызалась в науку не только потому, что ей нравилось. Она хотела стать толковым экономистом и принести пользу семейной фирме.

С личной жизнью проблем у молодой Ларцевой не было. Она была красива, парни ходили за ней толпами, однако Таня и здесь прислушивалась к советам мамы. Материнское чутье Алевтины Николаевны безошибочно отметало охотников за богатством. Избранником семьи Ларцевых стал Михаил Толокнянов, студент финансового института, долгие годы наблюдавший за девушкой с откровенным обожанием и даже не рассчитывающий на взаимность.

– У Миши к тебе настоящее чувство, – сказала Алевтина Николаевна.

Таня обняла мать и ответила:

– У меня к нему тоже. Я так боялась, что ты скажешь иначе.

После окончания вузов Таня и Михаил дополнили ряды сотрудников семейной фирмы Ларцевых. Александр Гаврилович не мог нарадоваться на мужа дочери. Фирма процветала, семейные узы не слабели. Три года пролетели как три часа. Ларцев-старший захотел, наконец, осуществить давнюю мечту: открыть филиалы своего предприятия по всей области. Он поде-

лился этой идеей с дочерью, зятем и служащими. Его предложение одобрили, и они с Михаилом решили отправиться в соседний город, где их давно ждали. Перед самым отъездом Таня, расцеловав мужа и пообещав к его возвращению приготовить вкусный ужин, зашла в отцовский кабинет:

– Папа, мне надо с тобой поговорить.

Александр Гаврилович заканчивал укладывать документы в «дипломат»:

– Слушаю тебя, доченька.

– Скоро ты станешь дедушкой. Как ты на это смотришь?

Ларцев подошел к дочери и крепко обнял ее:

– Наконец-то. Честно говоря, я сам уже хотел поднимать эту тему. И когда же это счастливое событие?

– Через семь месяцев, – Таня прижалась к отцу. – У меня лучшие родители на свете.

– Ладно, не подлизывайся, – рассмеялся счастливый отец. – Или опять чем-то удивить собираешься?

– Я считаю, – начала молодая женщина, – что рождение ребенка не должно сильно повлиять на мою работу. Надеюсь, ты сохранишь за мной мое место, я вернусь в фирму сразу же после родов. Думаю, твой внук или внучка имеют право находиться там, в кабинете своей матери?

Александр Гаврилович с восхищением посмотрел на дочь.

– Я и не думал искать тебе замену, – серьезно сказал он, – но хочу заметить, что выполнять свои обязанности тебе какое-то время можно и дома, вот в этом кабинете. Здесь все средства связи, и при необходимости мы тебя потревожим. Доченька, если я ответил на твои вопросы, извини, мне пора. Михаил уже давно ждет в машине.

– Ты сам за рулем? – спросила Таня.

Она знала, как отец обожает водить свой серебристый «шестисотый».

– Да, дочка, – Ларцев направился в прихожую. – Наша добрая машинка преодолеет это расстояние очень быстро. К ужину успеем.

Поцеловав дочь, Ларцев стал быстро спускаться по лестнице.

Таня подошла к окну. Михаил, сидевший на переднем пассажирском сиденье, махал ей рукой. Женщина послала ему воздушный поцелуй. Александр Гаврилович, перехватив взгляд зятя, тоже помахал дочери, и красавец «Мерседес» бесшумно отправился в путь.

Таня продолжала стоять у окна. Она почему-то подумала о белых и черных полосах в жизни, попыталась вспомнить, когда же у нее наблюдалась черная, и пришла к выводу, что двадцать пять лет горизонты ее жизни были безоблачными и белыми.

Это закончилось в тот же день. Пьяный водитель «КамАЗа», не справившись с управлением, раздавил «Мерседес», как яичную скорлупу. Приехавшие на место происшествия не спешили начинать работу: они понимали, что при такой аварии говорить о спасении людей просто бессмысленно. Свою задачу они видели в том, чтобы извлечь тела из машины и дать возможность родственникам похоронить их.

Алевтина Николаевна стойко перенесла трагедию. Таня впала в сильнейшую депрессию, приведшую к выкидышу. Молодая женщина была близка к умопомешательству и суициду, однако крепкое материнское плечо помогло и на этот раз.

Алевтина Николаевна поместила дочь в дорогую частную клинику, в отдельную палату, и поселилась вместе с ней. Врач по образованию, она сама делала дочери необходимые процедуры и очень грамотно выводила ее из тяжелого состояния.

Когда Таня смогла разговаривать, не впадая в истерику, Алевтина Николаевна села к ней на постель и сказала:

– Танюша, мне так же трудно, как и тебе. Но мы должны продолжать жить ради их памяти. Кроме того, на нас фирма. Это детище твоего отца, и я не хочу, чтобы она попала в чужие руки. Ты должна сесть в директорское кресло.

– Мамоchка, – Таня тяжело вздохнула, – ты же знаешь, что я хороший исполнитель, но не руководитель.

– Когда-то мне то же самое говорил твой отец, – улыбнулась Алевтина Николаевна. – Правда, немножко не так, вот послушай. «Знаешь, – сказал он мне, – я давно понял, что я лучший исполнитель, чем руководитель, и сделал так, что мною руководят мои заместители, причем сами об этом и не подозревая». Доченька, все заместители на месте. Они ждут тебя.

После разговора с матерью дела пошли на поправку очень быстро, и скоро молодая Ларцева села в директорское кресло семейной фирмы.

Трагедия оставила в душе молодой женщины кровоточащую рану, несколько лет Таня дневала и ночевала на работе, боясь вернуться в отчий дом и увидеть что-нибудь, напоминающее ей о прежней счастливой жизни. Мать посоветовала дочери купить квартиру в другом районе, а к ней приходить в любое время. Молодая женщина послушалась совета, но переехать в другой район отказалась. Новое жилье находилось всего в пяти кварталах от отцовской квартиры. Время лечит, и скоро на лице Татьяны заиграла прежняя улыбка. Алевтина Николаевна почувствовала, что дочь готова к следующему разговору.

– Доченька, – сказала она ей однажды, – не знаю, как тебя и спросить. Пойми, для меня этот разговор тоже очень болезнен, однако я хочу сказать, что ты еще молодая, красивая, а мне так и умереть, не понянчив внуков? Ты лишишь меня этого удовольствия?

– Как ты можешь, мама! – На глаза Тани навернулись слезы.

– Не надо себя хоронить, – теплая материнская рука погладила дочь по голове. – Если с небес они видят нас, то желают нам счастья и страдают оттого, что мы несчастливы. Я тебя не тороплю, но прошу: подумай над моими словами.

Чтобы привыкнуть к мысли, что какой-либо мужчина может находиться рядом с ней, Татьяне понадобился еще год, и однажды ей снова захотелось любить и быть любимой. Алевтина Николаевна старалась с кем-нибудь познакомить дочь, привлекала к этому делу своих знакомых и знакомых Татьяны, но той никто не нравился. Безотчетно она искала мужчину, хоть чем-то напоминающего Михаила.

С таким человеком она познакомилась там, где меньше всего ожидала. Роман начался бурно, и уже через полтора месяца, ужиная с избранником в уютном ресторанчике, Таня услышала предложение руки и сердца и ответила согласием. Однако ее не покидала мысль о том, что об этом романе ничего не знает мама. Правда, она не сомневалась: той понравится ее избранник, но при этом чувствовала какую-то неловкость. Татьяна с малолетства привыкла верить матери свои секреты, у нее вообще никогда не было тайн, и вот пришлось нарушить эту традицию только потому, что когда-то у ее избранника из-за преждевременного знакомства с семьей его девушки сорвалась свадьба. Он слезно просил Таню об одолжении, и она решила: момент знакомства с матерью ничего не изменит. Ведь этот день когда-нибудь наступит! Она решила, что это произойдет завтра, и собиралась после ресторана позвонить Алевтине Николаевне, все рассказать ей и попросить ждать их к вечеру в гости.

Избранник подвез Татьяну на такси до ее дома, как всегда отказался зайти в квартиру, объяснив это сильной усталостью, пожелал женщине спокойной ночи и уехал. Придя домой, Таня первым делом бросилась к телефону и позвонила матери. В трубке раздался металлический голос автоответчика, и женщина, взглянув на часы, поняла, что мама уже давно спит и выключила телефон. Алевтина Николаевна не ждала звонка: дочь звонила ей после обеда и сообщила, что идет на вечеринку с друзьями и вернется поздно.

Таня зашла в спальню и начала медленно стягивать с себя вечернее платье. Вдруг комната закружилась перед ее глазами, и она чуть не упала. К головокружению прибавилась стран-

ная острая боль в груди. «Это шампанское и усталость, – подумала Таня. – Да и вообще я много работаю. После свадьбы надо будет обязательно смотаться в путешествие, куда-нибудь на Канары. А что? Мы люди не бедные».

Рассуждая об этом, женщина подумала, как ей хочется поговорить с матерью. Посидеть, как в старые добрые времена, за чашкой чая, рассказать все что накопилось. Сообщение, оставленное на автоответчике, не показалось достаточным. Она поняла: надо одеваться и ехать, и неважно, который час. Мама обрадуется и ее приходу, и той новости, какой она собиралась поразить ее. Путь можно проделать на своей машине, так будет быстрее. Женщина не боялась легкого опьянения: она хорошо водила, дорога сейчас пустая, да и до мамы близко. Одевшись и выйдя из квартиры, Таня с удивлением заметила, что не может попасть в замочную скважину. Руки сделались ледяными и сильно дрожали, голова кружилась, боль в груди усиливалась.

– Мама поможет мне, – бормотала женщина, с трудом спускаясь по лестнице, – приведет в нормальное состояние.

Открывая гаражный замок, Таня вспотела. Она с трудом вывела машину и решила больше не мучиться с ключами: того, что можно украсть из гаража, ей не жалко. Ларцева выехала на шоссе. Боль в груди усиливалась и затрудняла дыхание. Голова продолжала кружиться, но Таня так хорошо знала дорогу, что могла бы вести машину с закрытыми глазами.

– Еще немного, – подбадривала она себя, – сейчас покажется мамин дом.

Свет дальних фар высветил одиноко стоящий у кромки тротуара рейсовый автобус. Очевидно, водитель жил в соседнем доме и зашел поужинать или переночевать, оставив машину. Таня попыталась повернуть руль влево, заранее готовясь обойти неожиданное препятствие, но с ужасом почувствовала, что руль не слушается ее. Он казался ей двадцатипудовой гирей, которую хрупкие руки были не в состоянии повернуть. Тогда она попыталась резко нажать на тормоз, однако покидающие силы не позволили ей это сделать.

«Неужели?» – мелькнуло в затуманенном мозгу, и в ту же минуту красивая, сверкающая «Ауди» врезалась в автобус.

* * *

Алевтина Николаевна в эту ночь никак не могла заснуть, ворочалась в постели. Женщину одолевали беспокойные мысли, хотя она все время повторяла себе, что для них нет основания. Услышав, как включился автоответчик, направилась в комнату, где стоял телефон. Сообщение дочери порадовало и удивило ее, тут же захотелось поговорить и обсудить неожиданную новость. Пожилая женщина набрала номер дочери, однако Татьяна уже стояла не лестничной площадке и сражалась с замком, поэтому звонка не услышала. Алевтина Николаевна вдруг почувствовала, как больно защемило сердце.

«Почему она не отвечает?» – мелькнула тревожная мысль. Какая-то неведомая сила вдруг подняла ее с кресла и подвела к окну.

Машина Татьяны врезалась в автобус на ее глазах.

Глава 8

– Вот и третья жертва, – голос Кравченко дрожал от внутренней боли. – А мы ни на шаг не продвинулись и по-прежнему не имеем подозреваемого. Все, что у нас есть, – это его проклятый сценарий.

– Да, – вздохнула Лариса, – погибшая оставила матери сообщение на автоответчике о якобы намечающейся свадьбе, о таинственных отношениях, про которые нельзя было говорить раньше времени. Ни имени, ни фамилии, ни хоть мало-мальской зацепки – ничего!

– Стоит ли говорить, что мы сразу проверили счет Ларцевой, – подал голос Павел, – и упоминать о пропавших десяти тысячах «зеленых»!

– Кстати, если нам так нужен подозреваемый, то Петр Семенович Гуров прямо-таки просится на эту роль, – заметил Константин Скворцов. – Поясняю: во-первых, он врач-кардиолог и мог приготовить подобную адскую смесь; об этом уже говорилось, поэтому сразу во-вторых: он знал Яницкую и даже не скрывает этого. Правда, сей факт нами тоже обсуждался, посему в-третьих: работая с еженедельником Ларцевой, я установил, что Татьяна Александровна недавно посещала нашего общего знакомого. В еженедельнике указаны дата и время этого посещения.

– Она была на приеме или просто записалась, но по каким-то причинам не смогла этого сделать? – осведомился Кравченко.

– Еще не установлено, но выясним в ближайшее время, – кивнул Константин.

– Выяснили, в каком ресторане они ужинали? – спросил Павел у Ларисы, которой поручили это задание.

– В «Ливадии», – немедленно отозвалась та. – Официант сразу признал женщину.

– То есть ты хочешь сказать, что мужчину – нет? – осведомился Павел.

– С мужчиной сложнее. Дословный ответ звучал так: может, он, может, и не он... Похож, но за достоверность не ручаюсь.

– Чем мотивировал? – поинтересовался Константин.

– Очень многим, – Лариса наморщила лоб, словно боясь что-то забыть, – освещением, поведением мужчины. Клиент старался не демонстрировать свое лицо и вообще какое-то время сидел в шляпе, надвинутой на глаза. Попросил официанта как можно меньше их беспокоить, объяснив, что у них сегодня помолвка, для невесты заготовлен маленький спектакль, поэтому посторонние будут мешать ему хорошо сыграть свою роль, а после им захочется побыть наедине.

– Этот трюк проделывался в других ресторанах с Головки и Яницкой? – спросил Алексей Степанович.

– Естественно, я об этом подумала, – Лариса торжествующим взглядом обвела коллег, – и отправилась в те заведения, где он был с ними. Та же картина.

– Значит, официант «Тавриды» составил неточный фоторобот? – у Павла от злости задрожали руки.

– О, официант «Тавриды» составил фоторобот настолько точный, насколько мог, – отозвалась Лариса. – Нам повезло с мальчиком. То, что наговорил ему наш «жених», страшно заинтересовало парня. Он тоже собирается жениться, убийца и Светлана произвели на него впечатление людей состоятельных, мальчик захотел посмотреть, как состоятельные люди делают предложение, и, если повезет, кое-что перенять для объяснения со своей девушкой. Поэтому он подглядывал в щель между шторами, закрывающими кабинку.

– И какой же спектакль увидел? – повернулся к ней Скворцов.

– А никакого. Жених после первых поцелуев снял шляпу, сказав, что прихватил ее, потому что она приносит ему счастье, и дальше пошло, как у всех.

– В кабинке наверняка был полумрак, – предположил Константин.

Лариса кивнула головой:

– Парень этого не скрывает, но утверждает, что у него хорошее зрение, однако пристально жениха не разглядывал, это тоже правда.

– Фотографию Гурова ему показывала? – осведомился Кравченко.

– Конечно. Ответ: чем-то похож.

– Да, при данных обстоятельствах Петр Семенович не отпадает, – обрадовался Скворцов. Возненавидев врача с первого взгляда, он нутром чуял: этого типа нельзя спускать с крючка. Его страшно огорчало, что на все его предложения по Гурову коллеги смотрели поверхностно. Но теперь Алексей Степанович произнес слова, которые отозвались в душе Константина сладкой музыкой:

– Усилить наблюдение за Гуровым и выяснить, была ли Ларцева у него на приеме.

Глава 9

– А, знакомые все лица, – Гуров широко улыбнулся Киселеву и Скворцову. – Вы поговорить или сердечко пошаливает?

Константин почувствовал, что готов растерзать «милашку доктора», и сжал кулаки в карманах, усилием воли изобразив на лице дружелюбную гримасу.

– Конечно, лучше бы на прием, чем по делу, – ответил он. – Хотя больное сердце – это тоже плохо.

Взгляд Гурова стал жестким:

– Сейчас вы беспокоите меня на рабочем месте. Я не знаю, какое у вас ко мне дело, зато знаю, что чист перед законом. Если вам так необходимо побеседовать со мной, надо было записаться. Вы не думаете о репутации честных граждан. Меня, между прочим, ждут больные.

– Чем чаще вижу вас, тем больше думаю о вашей святости, – с иронией заметил Павел. – И все-таки вам придется принять нас без очереди. Или вызвать вас повесткой? Вот когда начнутся разговоры.

Петр Семенович указал им на диван:

– Садитесь. Слушаю вас. Надеюсь, вы не будете спрашивать про Свету? Клянусь, я все сказал тогда!

И все же заметно: врач чем-то испуган. Он изо всех сил старался справиться с волнением, но это плохо получалось.

– Сегодня речь пойдет о Татьяне Ларцевой, – Павел пристально смотрел ему в глаза. – Знаете такую?

– Знал, – кивнул головой Гуров. – Ведь она умерла, правда? Погибла в автокатастрофе, и я пойду на похороны. Что еще вас интересует?

– В каких вы были отношениях? – спросил Константин.

– С Таней? Ни в каких, – оперативникам показалось, что Гуров облегченно вздохнул.

– Можно конкретнее? – Киселев продолжал не отрывая глаз от его лица.

– Это трудно. Я не писатель и не поэт. Но, может быть, вас устроит такой ответ: на уровне «здравствуйте» и «до свидания», когда мы случайно виделись, – на лице врача заиграла саркастическая улыбка. – Знаю, сейчас последует вопрос, когда, где и как мы виделись. Отвечая на него, от души надеюсь, что он последний, потому что (боюсь даже предположить, сразу смех разбирает), если вы подозреваете меня в покушении на жизнь Тани, это самое глупое суждение, которое я когда-либо слышал!

– Не отвлекайтесь, – остановил Скворцов поток его красноречия.

– О, прошу прощения. – Видно было: Гуров расслабился и начал кривляться. – Может быть, я открою вам Америку, но мать Тани, Алевтина Николаевна Ларцева, тоже врач. Она работала в этой больнице долгое время, хотя материальное положение и любящий муж могли освободить ее от тяжелого труда. Из всех врачей этой больницы (и даже всего города) Алевтина Николаевна выделяла меня как лучшего специалиста. Я неоднократно бывал у нее дома, она вызывала меня то к мужу (знаете, как трудно ставить диагнозы близким?), то к дочери, особенно после трагедии, которая произошла в их семье. Тогда у Тани начало пошаливать сердце.

– И каким же был ваш диагноз? – поинтересовался Киселев.

– Абсолютно здоровое сердце, боль чисто нервного плана. Выписал успокоительное, ей помогло.

– Наверное, не очень помогло, если пять дней назад она опять посещала вас, – заметил Константин.

– Таня посещала меня пять дней назад? – только хороший артист мог сыграть такое искреннее удивление. – Уверяю вас, здесь какая-то ошибка. Я не видел Таню вот уже года два.

– Однако в ее еженедельнике стоит дата и время с вашими инициалами, – возразил Константин.

– Я не буду клясться на Библии, это легко проверить, – Гуров нажал кнопку селектора. – Жанночка, будьте добры, зайдите ко мне.

Через пару секунд дверь распахнулась, и в кабинет вбежала хорошенькая медсестра.

– Слушаю, Петр Семенович.

– Жанночка, эти господа хотят абсолютно точно знать, была ли у нас на приеме четырнадцатого числа сего месяца некая Ларцева Татьяна Александровна.

– Секунду, – Жанна повернулась на высоких каблуках.

– Скажите, а могла Ларцева записаться на прием и не прийти? – спросил Павел.

– Вполне, – кивнул головой Гуров, – но я бы знал об этом. Жанна ведет все записи, и она обязательно предупредила бы меня. Видите ли, дело в том, что вашего покорного слугу – он чопорно поклонился – считают чуть ли не лучшим кардиологом города. А так как город у нас большой, всегда много желающих попасть ко мне. Я всегда прошу записавшегося в случае каких-либо причин, по которым он решит отложить визит, информировать об этом. Потом Жанна звонит всем желающим, не попавшим на это время, и записывает кого-нибудь вместо отказавшегося. Я не помню, чтобы в ближайшие годы в мои приемные часы появлялось «окно». Но, я вижу, вы мне не очень верите, вот идет Жанночка, у нее все документировано.

– Ларцева Татьяна Александровна действительно записывалась на четырнадцатое, – начала девушка звонким голосом, – но накануне перезвонила и сказала, что не придет. Я тут же внесла в список Масальскую Юлию Михайловну.

– Почему же ты мне об этом не сказала? – удивился Гуров.

– Я давно уже не говорю вам о таких вещах, – Жанночка заметно смутилась. – А зачем? Ларцева или Масальская – какая разница? Это время не пропало.

– И все же, Жанна, я хочу, чтобы ты меня информировала в таких случаях, – Петр Семенович пристально посмотрел на медсестру. – Для меня разница есть.

Миловидная Жанночка чуть не заплакала:

– Извините меня, пожалуйста, я не думала.

– Ладно, иди, – врач махнул рукой. – И помни: здесь в основном думаю я. – Сказав это, он повернулся к оперативникам:

– Мы удовлетворили ваше любопытство?

– Еще один вопрос, – Киселев задавал его для проформы, заранее зная, какой он услышит ответ. – Вы не знаете, с кем встречалась Татьяна последнее время?

– А почему я должен знать? – удивился Петр Семенович. – Я же сказал, на каком уровне проходило все наше общение. Если вы меня спросите, не рассказывала ли чего по этому поводу Алевтина Николаевна, отвечу: нет. К вашему сведению, с ней я тоже редко виделся и дружеских бесед не вел. А сейчас честь имею откланяться, думаю, теперь у вас действительно все.

«Зато я так не думаю, гад», – подумал Скворцов, выходя из кабинета врача.

Глава 10

Отпустив последнего пациента, записанного на этот день, Гуров отправился на обход. Молодая коллега Шура семенила рядом и заглядывала ему в лицо с откровенным обожанием. Хорошенькая девушка была влюблена в Петра Семеновича, поставила себе целью завоевать его, но у нее ничего не получалось, и она искренне удивлялась, почему. Шурочка была очень миловидна и моложе своего начальника на целых пятнадцать лет. Глупенькой ее никто никогда не называл, и девушка знала: если бы Петр Семенович захотел, у них бы нашлись точки пересечения. Однако он почему-то не хотел. Юная докторша наводила справки на предмет личной жизни Гурова. Он жил один и, по слухам, жениться не собирался. Это могло означать следующее: либо доктор был однолюбом и все еще страдал по бывшей жене, с которой, правда, развелся давно, либо ходил к разным женщинам, решив, что одного брака ему достаточно. Оба варианта в какой-то степени устраивали Шуру. Они означали, что врач не имеет постоянной женщины, к которой питал бы чувства, а это, в свою очередь, давало девушке надежду. Помня об этом, Шура изо всех сил старалась обратить на себя внимание Гурова. Он оставался с ней любезен и корректен, но не более. Шура не знала, что бы такого необычного сделать, старалась как можно чаще попадаться избраннику на глаза, делать маленькие сюрпризы в виде вкусно заваренного кофе с домашним тортом, но все пока оставалось по-прежнему. В данный момент девушка старалась произвести впечатление грамотным и точным отчетом о состоянии здоровья больных.

– Тимофеева пришла в себя, но остается в тяжелом состоянии, – преданно заглядывая в глаза Гурову, говорила она, – все остальные – без изменения.

Проходя мимо одной из палат, молодой врач всхлипнула:

– Петр Семенович, Федотову жалко. Она же совсем молодая была.

На лице Гурова не дрогнул ни один мускул.

– Если хочешь, Шурочка, когда-нибудь стать хорошим врачом, надо учиться не только милосердию, но и черствости.

Заметив на лице девушки искреннее недоумение, врач продолжал:

– Я не говорю, что тебе не должно быть жалко Федотову. Мне тоже ее жаль. Однако надо смотреть на вещи трезво. То, что она умерла здесь и сейчас, – для нее даже лучше.

– То есть как? – не поняла Шура.

– Не тебе объяснять, какого ухода требует послеинфарктный больной. Вылечили бы мы Федотову имеющимися у нас лекарствами? Ну-ка, ответь?

Шура отрицательно покачала головой.

– Вот то-то, – удовлетворенно произнес Гуров. – Допустим, организм оказался бы покрепче и наша больная протянула бы до выписки. А дальше? Пришла бы домой в пустую квартиру, где некому воды подать и купить самое необходимое. Долго бы она продержалась?

Все, что говорил Петр Семенович, было, несомненно, правильно, но душа девушки все равно протестовала. «И все-таки», – думала она про себя.

Врачи подошли к палате, где лежала Потапова, худая маленькая женщина лет пятидесяти с лишним, с таким же диагнозом, как у покойной Федотовой. Гуров осторожно присел на край постели больной.

– Вера Ивановна! – тихо позвал он.

Потапова открыла глаза и недоуменно посмотрела на врачей. В ее взгляде ясно читалось страдание.

– Вы сможете говорить? – спросил Петр Семенович.

Больная облизнула пересохшие губы и кивнула.

– Вера Ивановна, я ваш лечащий врач Гуров Петр Семенович. Вы в курсе, что с вами?

– Инфаркт, – тихо произнесла Потапова.

– Вы правы. Как вы себя чувствуете? Если вам трудно говорить, скажите, и на сегодня мы закончим беседу, – Петр Семенович пристально вглядывался в лицо больной. Она отрицательно покачала головой:

– Спрашивайте.

– Вера Ивановна, – начал Гуров, – у вас есть родственники? Вы знаете, что за вами теперь требуется особый уход.

– Только сын Коля, ему шестнадцать. Он еще учится в школе, – произнесла больная.

– А ваши родители?

– У меня никого нет. Я детдомовская, – лоб Потаповой покрылся испариной.

– А ваш бывший муж? Его родственники? – Гуров подумал, что уже знает ответ на этот вопрос.

– У меня никогда не было мужа.

«Понятно, – раздраженно думал Петр Семенович, – типичная лимитчица откуда-нибудь из захолустья. Небось с девчонок на фабрике, к сорока годам получила комнату в коммуналке где-нибудь на окраине и обзавелась ребенком».

Он мельком взглянул на медицинскую карту Потаповой. Так и есть: место работы – комбинат хлебобулочных изделий, укладчица, домашний адрес... О такой улице коренной житель города Гуров никогда и не слышал.

– Вера Ивановна, – продолжил он, – вы знаете, что вам потребуются дорогие лекарства? У вас есть деньги? Есть где их взять? Может быть, какие-нибудь ценные вещи, которые можно продать? Поймите, вам сейчас ничего не нужно жалеть, речь идет о вашей жизни.

Потапова покачала головой:

– Откуда у меня деньги? Откуда ценности? Только комната в коммуналке. Если я ее продам, нам с мальчиком негде будет жить.

Гуров вздохнул:

– Все ясно, Вера Ивановна, отдыхайте. Мы еще к вам зайдем.

Он поднялся с постели, но слабеющая рука больной попыталась удержать его за край халата:

– Доктор, – она умоляюще смотрела в глаза Петру Семеновичу, – мне нельзя умирать. У меня несовершеннолетний сын. Что мне делать? Кто без меня поставит его на ноги?

– Дорогая моя, – врач широко улыбнулся, – кто говорил о смерти? Разве я сказал вам, что мы не будем вас лечить? Обязательно будем, только хочу предупредить: имеющиеся у нас в больнице лекарства не столь быстро поднимают на ноги. Если бы у вас были деньги, вы приобрели бы такие, которые помогли бы вам быстрее. А так вы просто проведете здесь больше времени – вот и вся разница. И гоните из головы глупые мысли.

Шурочка заметила, что впервые за все время разговора на измученном лице Потаповой мелькнула улыбка.

– Вы умеете успокаивать, – с восхищением сказала Гурову девушка, когда они выходили из палаты. – А ведь она умрет. Как же ее сын?

– Шурочка, люди не всегда умирают, не надо судить по Федотовой. Той действительно никто не мог помочь, а этой сын поможет.

– Но ведь ему шестнадцать лет, он школьник. Допустим, в школе пойдут навстречу, и большую половину дня мальчик будет ухаживать за матерью. А где он достанет деньги? – на лице Шурочки отразилось недоумение.

– Захочет – достанет, – махнул рукой кардиолог. – Ему, между прочим, уже шестнадцать, а не еще шестнадцать. В таком возрасте всегда можно найти работу.

Молодая врач хотела возразить, но Гуров, заметив это, не дал ей сказать:

– Если вы такая жалостливая, может, станете их спонсором? – он ехидно улыбнулся и добавил: – Да, у вас такое доброе сердце и такая маленькая зарплата!

Глава 11

Скворцов, сидя в своей потрепанной «копейке» возле здания больницы, заметил выходящего из здания Гурова. Кардиолог садился в роскошный черный «бумер», для приобретения которого Константину и его коллегам надо было бы в течение нескольких лет усиленно помогать мафии. «Бумер» бесшумно сорвался с места, и старая «копейка» задребезжала следом. Санкции на слежку за врачом Скворцов не получил и делал это по собственной инициативе. Константин знал: возможно, завтра с Гурова будут сняты все подозрения, потому что по просьбе Кравченко к кардиологу отправится официант Юрик из «Тавриды», тот самый, который подглядывал за Женихом (такое официальное прозвище теперь имел убийца) в щелку между шторами. Оперативник слышал, как его коллеги подробно инструктировали Юрика. Главная задача парня заключалась в следующем: во что бы то ни стало ему надо было увидеть Гурова и поговорить с ним, причем так, чтобы он смог сделать вывод – этот или не этот человек предлагал Яницкой руку и сердце во время завтрака в «Тавриде».

Константин не собирался ждать завтрашнего дня. Насчет кардиолога он имел вполне сформировавшееся мнение: если этот тип непричастен к смерти женщин, все равно на нем висит какое-то преступление, за которое он должен ответить. Поэтому Скворцов упрямо ехал за сверкающей иномаркой. По маршруту было ясно: объект направляется домой. И действительно, Гуров поставил машину в гараж, находившийся в тридцати метрах от дома, и неторопливо направился к своему подъезду. Как только за врачом захлопнулась входная дверь, Константин поставил свой автомобиль возле дома Петра Семеновича, постаравшись, чтобы окна его квартиры были хорошо видны. Оперативник и сам не знал, что надеется увидеть. По всему было ясно: Гуров выходить из дома не собирается. Однако Скворцов пристально всматривался в освещенные окна. Через некоторое время в окне показался темный силуэт врача с телефонной трубкой в руке. Судя по жестикуляции, Петр Семенович кого-то в чем-то убеждал, а этот кто-то вешал трубку, потому что Гуров вновь набирал номер (Скворцов был уверен в этом, наблюдая за поведением подозреваемого). В результате всего на том конце провода, вероятно, отключили телефон, так как Гуров, несколько раз нажав на кнопку повтора, со злостью ударил кулаком по подоконнику и отошел от окна.

Константин повторил жест кардиолога, ударив по рулю своей старенькой машины. Ему разговор Гурова с неизвестным казался чрезвычайно важным, и необходимо было получить разрешение начальства на прослушивание всех разговоров врача. Однако если завтра официант не признает в Петре Семеновиче человека, бывшего с Яницкой в тот день в ресторане, Скворцову придется забыть о существовании Гурова, хочет он этого или не хочет. Оставалось только ждать завтрашнего дня.

Глава 12

Будь на месте официанта Юрика кто-нибудь другой, не такой настойчивый и сообразительный, пришлось бы уйти не солоно хлебавши: юноша пришел в неприятный операционный день. В такие дни Гуров обычно не принимал, но парень мастерски разыграл человека, страдающего сердечными приступами, и сердобольная Шура, первой увидевшая его в приемном покое, сообщила о нем Петру Семеновичу и попросила сделать для молодого человека исключение. Кардиолог милостиво согласился, и Юрик был препровожден в кабинет. Переступив порог, едва взглянув на врача, сидевшего за столом и делавшего какие-то записи, парень подумал: «Он!» Юношу охватил испуг, ему захотелось немедленно уйти. Он читал, что делают преступники с нежелательными свидетелями, и поэтому лихорадочно начал придумывать причину для отступления. Но вот врач оторвался от записей, пристально посмотрел на официанта и жестом пригласил его сесть на стул. На негнувшихся от страха ногах подойдя поближе и бросив более внимательный взгляд на лицо кардиолога, Юрик вздохнул с облегчением: «Не он!»

– Что случилось, молодой человек? – насмешливо спросил Гуров. – Вы попросили меня спешно принять вас, невзирая на то, что сегодня неприятный день. Я устаю от операций и потому по таким дням не принимаю. Вы, наверное, и представить не можете, сколько сил и нервов я трачу за операционным столом. Кроме того, через полчаса у меня обход, и я хотел бы отдохнуть, а вы забираете мое время без зазрения совести, хотя, судя по всему, не смертельно больны. Могу об этом сказать с уверенностью: за долгие годы практики я научился кое-что определять с первого взгляда.

«А голос и манеры похожи!» – с вновь нахлынувшим ужасом подумал Юрик. Но отступить было поздно, и парень решил продолжать игру, тем более что видел: Гуров его не узнал. Если он сейчас просто извинится и уйдет, чего, по всей вероятности, и добивается врач, вот тогда у него может закрасться подозрение, тогда, может быть, его и вспомнят.

– Ну, молодой человек, что же вы молчите? – подал голос Петр Семенович. – Я предлагаю покинуть мой кабинет и прийти в приемный день, предварительно записавшись. В дни, подобные сегодняшнему, я делаю исключение только для некоторых больных.

«Все-таки не он», – мелькнуло в голове у Юрика. И все же парню надо было отдать должное: он понял, для чего Петр Семенович произносил свои монологи, и оставшуюся часть спектакля сыграл блестяще.

– Простите меня, – он умоляюще глядел в глаза кардиолога, – я молодой парень, мне всего двадцать лет, я учусь и работаю, у меня есть любимая девушка. Мне нужно нормально жить и зарабатывать, а меня сердечные приступы замучили. В последнее время я даже стал терять сознание на работе. Помогите мне, пожалуйста, – Юрик полез в карман и достал бумажник: – Сколько вы берете за консультации? Я готов заплатить, сколько скажете, только помогите!

Лицо Гурова мгновенно приняло доброжелательное выражение. «Так он или не он?» – думал Юрик.

– Где вы работаете? – спросил врач.

– Я официант в ресторане «Таврида», – ответил парень.

Гуров опустил глаза:

– Даже не слышал про такой. Где он находится?

– Это маленький ресторанчик недалеко от библиотеки Циолковского. Там очень хорошая кухня, приходите, я вас угощу.

– Я вовсе не собираюсь разорять вас, молодой человек, – назидательно произнес Гуров. – Просто я рассуждаю так: у нас в городе много хороших врачей, вы пришли именно ко мне, я берусь лечить вас, но моя такса – пятьдесят долларов. Если вы согласны, давайте сначала

рассчитаемся, чтобы все было без недоразумений. А потом примемся за лечение, и, уверяю вас, вы останетесь довольны.

Юрик был страшно рад, что в его бумажнике оказалась требуемая сумма. Он протянул деньги врачу.

– А теперь расскажите подробнее про ваши приступы, – попросил Гуров, пряча деньги в карман.

Через полчаса удрученный официант выходил из кабинета врача. Его мучила мысль о том, что в управлении он ничего определенного сказать не сможет. Парень так и не сделал точного вывода, этот или не этот человек находился в тот день в ресторане. Больше ходить к кардиологу не имело смысла, тем более и тот, облегчив карманы парня, совершенно точно установил: если у такого здорового молодого человека и бывают приступы, во что просто поверить невозможно, они носят сугубо нервный характер. Конечно, может сказаться и переутомление: ведь молодой человек работает, учится и, судя по его рассказам, ведет бурный образ жизни. Гуров ограничился успокоительным, бросив фразу, что Юрик еще очень не скоро станет его постоянным пациентом. Парня это не обрадовало: сегодня он сам намеревался ставить диагноз.

* * *

Выслушав рассказ Юрика, Скворцов, Киселев и Лариса отреагировали по-разному. Лариса требовала исключить Гурова из круга подозреваемых.

– Ребята, представляете, какие он бабки сшибает? – спросила она. – А я-то голову ломала после вашего рассказа: почему он накричал на бедную медсестру, когда узнал, что она заполняет «окна» другими фамилиями и не предупреждает его. Раньше он сам называл ей людей, которыми необходимо было заменить по каким-то причинам не сумевших прийти. У этого врача как бы две очереди: платная и бесплатная. Официально он должен проводить консультации бесплатно, и кое-кто, уж совсем неимущий или такой, кто может и «накапать», деньги за консультацию не платит. Судя по характеру и принципам Петра Семеновича, такие больные и лечение получают соответственное. Зато перед заплатившими он из себя выпрыгивает. Вот и просматривал списки, чтобы пустые места заполнялись нужными людьми. И его прекрасная иномарка, и шикарная квартира – результат этих заработков, а не убийства и воровства. Надо искать другую версию. Поверьте, ребята, Гуров не может оказаться Женихом.

– Вот тут я с тобой не согласен, – покачал головой Скворцов. – Юрик не сказал ни да ни нет, это во-первых, во-вторых, чем больше у человека денег, тем больше ему хочется. Откуда нам может быть известно о дальнейших планах доктора? Вдруг он мечтает открыть свою частную клинику здесь или за границей? Знаешь, какие на это нужны бабки? И потом, откуда мы знаем, сколько он имеет на частных консультациях? День на день не приходится, так? Можем ли мы опровергнуть такое предположение, что сегодня, скажем, он заработал пятьсот долларов, а следующую неделю ему никто не заплатит? Как ты считаешь, Паша?

– Не знаю, – задумчиво произнес Киселев, видя рациональное зерно в рассуждениях обоих коллег. – Доложим обо всем Кравченко, пусть решает.

* * *

Кравченко, как и Киселев, видел смысл и в рассуждениях Ларисы, и в рассуждениях Константина. Он счел нужным подстраховаться, зная, что очень трудно мгновенно понять психологию и логику преступника.

– Даю разрешение на прослушивание телефонных разговоров Гурова, – вынес он свой окончательный вердикт, и Скворцов почувствовал, как его душа поет.

Глава 13

Петр Семенович Гуров сегодня спешил домой сильнее обычного. В конце рабочего дня он зашел к Вере Ивановне Потаповой и увидел, что состояние здоровья больной ухудшается. Ей грозил второй инфаркт, а этого врач никак не мог допустить. Приступать к намеченным действиям надо было уже сегодня.

Кардиолог быстро отпер входную дверь, не снимая верхней одежды и ботинок, зашел в гостиную и взял трубку телефона. Прижав ее плечом к уху, полез в карман дорогой кожаной куртки, где лежал блокнот, нашел нужный и стал быстро нажимать кнопки аппарата. Трубку сняли довольно быстро, и звонкий мальчишеский голос на том конце провода произнес:

– Слушаю вас!

– Здравствуйте, вас беспокоит лечащий врач Веры Ивановны Потаповой, мне нужно поговорить с Колей Потаповым, – сказал Гуров.

– Я вас слушаю, – голос парня звучал встревоженно. – Что-то с мамой?

– С мамой пока все в порядке, – ответил кардиолог. – Хотя я неправильно выразился. Пока, Коля, твоя мама жива.

Гуров слышал встревоженное дыхание Николая.

– Ей что-то нужно?

«Вот, миленький, ты и сам задал этот вопрос, – обрадовался Гуров. – Еще как нужно! Нам всем нужно!» Эти сказанные про себя слова врач в трубку не повторил. Приняв сочувственный тон, Петр Семенович начал:

– Я разговаривал с твоей матерью, Коля, и пришел к выводу, что помочь ей некому.

– Почему вы исключили меня? Что нужно маме? – парень сейчас просто срывался на крик.

– Ты знаешь, Коля, какой уход требуется за больными, перенесшими инфаркт, – спокойно продолжал Гуров. – Твоей маме, кроме обеспечения помощи в быту, нужны дорогие лекарства. Без них она умрет.

– Но разве в больнице нет лекарств? – надрывный, ломающийся голос парня стал действовать кардиологу на нервы.

– К сожалению, Коля, больничными лекарствами мы не поднимем на ноги человека в таком состоянии, как твоя мама, – Петр Семенович намеренно сделал паузу.

– И нет никакого выхода? – спросил Николай.

– Выход есть. Потому я и звоню тебе.

Кардиолог чувствовал сердцебиение. Он подходил к главному:

– Я могу помочь вам. У меня есть деньги, и я знаю, какие лекарства и где приобрести. Я могу сделать так, что твоя мать через месяц пойдет на работу и забудет про свои болезни.

Гуров чувствовал, как на том конце провода Николай оторопел.

– Вы согласны нам помочь? Просто так? – запинаясь, заговорил мальчик. – Впрочем, зачем же просто так? Я отработаю. Может быть, вашей больнице нужен санитар или... да кто угодно, я согласен работать. А может, у вас есть другие предложения?

– У меня есть другое предложение, Коля. Точнее, только за это я и буду помогать вам, – продолжал Гуров. – Но это не телефонный разговор. Ты согласен сделать все, что я скажу, чтобы спасти свою мать?

Николай молчал.

– Я жду, Коля. Время ее жизни сейчас исчисляется часами. Не днями, если ты меня плохо понял, а именно часами. Завтра, возможно, счет пойдет на минуты. Я могу подождать твоего решения, однако твоя мама – вред ли. Итак?

– Вы попросите меня совершить преступление? – прошептал Николай.

– Да или нет? – жестче повторил Гуров.

– Да, – выдохнул Николай.

– Вот и славно, – от радости кардиолог потирал ладони. – Будешь честен со мной – я буду честен с тобой. Теперь жизнь твоей матери полностью в твоих руках. Мне кажется, тебе можно верить. Ведь можно, Коля?

– Да, – еле слышно произнес парень.

– Отлично, мне тоже можно. На столе у меня лежит очень хорошее лекарство. Сейчас я поеду в больницу и сделаю твоей маме парочку уколов. Ее состояние улучшится. Но не вздумай меня обмануть. Если ты кому-нибудь сообщишь о нашем разговоре...

– Нет, – перебил Николай, – поезжайте в больницу и делайте свое дело. Как я понимаю, вы сами со мной свяжетесь и скажете, что вам нужно.

– Обязательно свяжусь, – пообещал Гуров.

* * *

– Ну, – торжественно сказал Скворцов. – Что я говорил?

– Ты хочешь сказать, что Гуров будет подбивать Николая на убийство богатой дамочки? Вероятно, парень начнет изготавливать ему смертельные растворы, ибо на роль Жениха он никак не тянет, – усмехнулась Лариса.

– Посмотрим, – повернулся к ней Скворцов, – а пока я этого гада не выпущу из поля зрения.

Глава 14

Во время обхода сияющая Шурочка взалхлеб рассказывала Петру Семеновичу об улучшении состояния здоровья Потаповой.

– Она была так плоха, – щебетала девушка, – что я думала: дотянет ли до завтра? А теперь посмотрите на нее. Женя сказала, что ночью больная захотела есть и ела с очень хорошим аппетитом. Утром попросила принести что-нибудь почитать и вообще... Да вы сами увидите.

Врачи вошли в палату Потаповой. Женщина уже не лежала, а сидела на кровати, подложив под спину подушку, и просматривала какой-то журнал. На ее тумбочке Петр Семенович заметил зеркало, расческу, пудреницу и губную помаду. Похоже, вчерашняя тяжелобольная действительно пошла на поправку. Вера Ивановна приветливо улыбнулась врачам, особенно Гурову.

– Ну, я вижу, сегодня вы молодцом, – сказал кардиолог, присаживаясь на край постели.

– Большое вам спасибо, – Потапова с благодарностью посмотрела на Петра Семеновича. – Я думала: сегодня меня уже не будет в живых. Хотела попросить вашу медсестру, чтобы она вызвала Колю, чтобы увидеть его в последний раз, но не было сил нажать на кнопку вызова. И вдруг вы. После уколов, которые вы мне сделали, я как будто заново родилась.

Шурочка недоуменно взглянула на Гурова:

– Петр Семенович, вчера вечером вы сделали Вере Ивановне какие-то дополнительные уколы?

– Спонсоры передали кое-что, – небрежно ответил Гуров. – Я же обещал, Вера Ивановна: мы вас вылечим. И мои слова оказались пророческими. Не всем везет так, как вам. Ну, не будем вас больше беспокоить. Я понимаю, вам сейчас лучше, но переутомляться тоже не следует.

Когда за врачами закрылась дверь палаты Потаповой, Шура спросила Гурова:

– Какое же лекарство вчера передали спонсоры?

– А никакого, – махнул рукой Гуров, – от них дожدهшься. В данном случае я сам купил это лекарство. И на это меня натолкнул разговор с тобой... Ты права: врач прежде всего должен помнить о милосердии. Этой женщине никак нельзя умирать, ей надо поднять сына, который без нее может пойти по кривой дорожке.

– Петр Семенович! – в голосе девушки слышалось такое неподдельное восхищение, что Гурову на секунду стало не по себе.

* * *

– Здравствуй, Коля, ты узнал меня? – кардиолог представил себе взволнованное лицо парня. – Ты ведь навещал сегодня мать? Что скажешь?

– Ей лучше, но у меня язык не поворачивается говорить вам «спасибо», – голос Николая звучал твердо. – Говорите, что вам нужно.

– Завтра в шесть вечера мы встречаемся с тобой на вокзале, – врач говорил спокойно, чеканя каждое слово. – В пятнадцать минут седьмого садимся на электричку до Зареченска. Поедем в разных вагонах: ты – в первом, я – в третьем. Выходим на станции Рябушино. Далее следуешь за мной. Мы едем ко мне на дачу. Остальное я скажу там. Ты все понял? Мне не надо повторять? Мне не надо напоминать, что в случае...

– Я все понял, – ответил Николай и положил трубку.

Глава 15

Николай пришел на вокзал ровно в шесть, отыскал нужную ему электричку и расположился в первом вагоне. Он видел, как лечащий врач его матери тоже зашел в первый вагон, пробежал глазами по пассажирам и отправился в соседний. Через несколько минут поезд тронулся. Коля смотрел в окно, но его не интересовала весенняя природа. Он думал о предстоящей встрече с Гуровым, и ему хотелось плакать и кричать от собственного бессилия. Однако в глубине души парень знал, что сделает все, чего потребует врач, чтобы спасти мать. А если она все-таки умрет? Парень не заметил, как из глаз полились слезы. Он неловко стал вытирать их рукавом старой куртки.

– Что с вами, молодой человек? Вам плохо? – сидящий рядом с ним мускулистый широкоплечий мужчина лет тридцати участливо смотрел на юношу. – Может быть, я чем-нибудь могу помочь?

– Нет, – всхлипывая, ответил Николай. – К сожалению, сейчас мне никто не поможет.

* * *

Сойдя на станции Рябушино, Гуров пошел по тропинке, направляясь в деревню, и пару раз оглянулся назад. Николай неотступно следовал за ним. Петр Семенович подумал: как хорошо, что в свое время после смерти матери он не продал дачу. При ее жизни врач бывал здесь очень редко и только тогда, когда она просила его помочь ей. Сколько раз он говорил ей о том, что гораздо легче покупать все, что она здесь выращивает, на рынке и не уставать от дальних поездок и от дачной работы.

– Ты хочешь лишить меня единственной отдушины, – отвечала ему на это мать. – Я бываю здесь не из-за огурцов и помидоров. В этом месте я оживаю.

Гуров решительно не понимал, как можно оживать в ветхом домишке на пяти сотках. Настоящая дача рисовалась ему в виде загородного двухэтажного коттеджа, с большим участком земли, засаженным какими-нибудь красивыми растениями, и бассейном – этаким голливудский Эдем. Вот в таком месте можно и отдохнуть душой. Но мать прикипела сердцем именно к этому клочку земли. За год до ее смерти, зная, сколько ей осталось жить, Петр Семенович, уже зарабатывавший хорошие деньги, нанял рабочих, чтобы превратить старую хибару в маленький домик. Мать противилась этому. Она тоже знала, сколько ей отведено.

– Спасибо, Петя, – говорила она ему, – но не надо вкладывать деньги в то, от чего ты вскоре избавишься. А мне нравится так, как есть.

Гуров все равно улучшил домик и стал часто оставаться ночевать в нем вместе с матерью. В нем проснулось желание постоянно быть с нею, даже просто молча сидеть рядом, держа за руку. Врач видел, как жизнь постепенно уходит из дорогого ему человека, и словно хотел продлить их пребывание вместе.

После смерти матери Мария Ивановна, ее близкая подруга и соседка по даче, предложила Петру Семеновичу продать участок ей.

– Ведь тебе он не нужен, Петя, – говорила она, – а я уберу перегородку и соединю со своим участком. Это хорошо, что ты благоустроил домик. Ко мне на лето внуки приезжают, дети. В двух домиках я всех размещу.

Гуров слушал соседку и удивлялся сам себе. Сейчас он и слышать не хотел ни о какой продаже. И был уверен, что вряд ли когда-нибудь захочет. Это ведь память о его матери. Он категорически отказался говорить на подобные темы и попросил Марию Ивановну никогда

не возвращаться к этому вопросу. Сейчас, отпирая калитку, он думал о том, как правильно сделал тогда.

Поднимаясь по ступеням, ведущим в дом, мужчина всегда испытывал странное чувство. Ему казалось, что он приехал к матери и она ждет его, сидя в своем любимом кресле. Сейчас он услышит шаркающие шаги, увидит радостную улыбку на изможденном лице... С такими мыслями кардиолог распахивал дверь и замирал на пороге на несколько секунд. Лишь стоявшая в доме тишина помогала ему вернуться в реальность. А еще одна страшная реальность шла за ним и уже заходила в комнату. Впервые за много лет Гуров не сожалел о том, что матери нет в живых.

* * *

Оперативники расположились под окном дачного домика врача. На их счастье, Николай, находясь в полубоморочном состоянии, и не подумал запереть за собой калитку, и Скворцов с Киселевым беспрепятственно проникли на участок. Им было хорошо видно и врача, сидевшего в большом черном кресле, и парня, стоявшего перед ним, но разговора они не слышали: в доме говорили очень тихо. Павел, переместившийся потом от окна к двери, тоже не запертой на замок, улавливал только отдельные звуки, из которых даже приблизительно не мог составить слов. Скворцов и Киселев недовольно поглядывали друг на друга и уже думали о другом способе прослушивания, однако им повезло.

– Поймите, я не могу этого сделать! – закричал вдруг Николай. – Я обещаю, что никому ничего не скажу и отдам вам деньги. Но, умоляю, не требуйте от меня этого! Вы убьете и меня, и мать, если она когда-нибудь догадается.

– От того, что я тебе предлагаю, еще никто не умирал, – Гуров тоже повысил голос. – А вот без этого, – врач взял со стола полиэтиленовый пакет и потряс им перед лицом парня, – она умрет завтра. И виноват в этом будешь ты. Впрочем, – кардиолог взглянул на часы, – мы с тобой беседуем уже сорок пять минут. Через час уходит последняя электричка. Я не собираюсь здесь ночевать и тебя не приглашаю. Не хочешь – не надо. Учти: я всегда найду более преданного сына.

Киселеву удалось бесшумно приоткрыть дверь, он махнул рукой Скворцову, и оба наблюдали за дальнейшими действиями врача и юноши. Они увидели, как Николай заплакал и встал на колени:

– Прошу вас, дяденька!

Его мольба прозвучала как-то по-детски жалобно и неуверенно, и все – и оперативники, и Гуров – поняли, что парень сломлен, на все согласен, настал момент, когда на него можно надавить. Врач вскочил с кресла, схватил парня за плечо и с силой толкнул в соседнюю комнату. Юноша не сопротивлялся, он лишь судорожно всхлипывал. На минуту все стихло, но вдруг раздался пронзительный крик, заставивший оперативников влететь в комнату. Ни Павел, ни Константин не ожидали увидеть того, что перед ними открылось: Гуров со спущенными штанами стоял перед голым Николаем. Явно он собирался насиловать сына своей пациентки...

Глава 16

Петр Семенович узнал, что болен, еще учась в медицинском институте. Правда, и раньше, в отрочестве и юности, он задавал себе вопрос: почему его совсем не тянет к девочкам, почему хочется прижиматься к своим друзьям – мальчишкам, обнимать и целовать их? Однажды он спросил об этом мать, но та, испуганно посмотрев на него, ответила:

– Это потому, что я растила тебя одна и воспитывала как девочку. Но ты мужчина и должен осознать это.

Однако Гуров не осознавал. Он со скрипом зубным подавлял в себе желания, которые мать называла извращенными, мучился и страдал от этого. Услышав в старших классах слово «гомосексуализм» и увидев реакцию окружающих на него, он с ужасом подумал: надо с этим бороться. Стоит пойти по пути своей прихоти – и трясина затянется навсегда.

Став студентом медицинского института, юноша узнал, что это не извращенные желания, а страшная, неизлечимая болезнь, и решил победить ее. Он стал заставлять себя обращать внимание на девочек и вскоре женился на своей сокурснице Марине. На свадьбе молодые выглядели счастливыми, никто из присутствующих и подумать не мог, что жених боится брачной ночи больше, чем невеста. Гуров взмок от напряженных раздумий о том, как сделать женщиной девушку, к которой у тебя нет ни на грамм влечения и, что самое страшное, не появится. Однако, вопреки его опасениям, все прошло нормально. Марина очень устала и очень боялась, поэтому слезно попросила мужа сегодня не трогать ее, на что он с радостью согласился. На вторую ночь у молодого мужа поднялась температура, и он, опасаясь заразить жену, отправился спать в другую комнату. Как будущий врач, Петр мог «заразить» себя на неделю или больше, но что делать потом?

Парень взял больничный и утром, когда жена уходила в институт (они жили в отдельной квартире, доставшейся Марине от бабушки), бежал в библиотеку и изучал материалы о своей болезни. То, что он выискивал, пугало его. Мать воспитывала Петра, закладывая ему хорошую нравственную основу, поэтому занятия извращенным сексом противоречили его натуре. Однако другого выхода не было. Если Марина согласится, возможно, его проблемы решатся. Гуров очень хотел ребенка, и в его планы не входил быстрый развод. Впоследствии он вспоминал, сколько нервов, такта и изощренности израсходовал он, чтобы доказать молоденькой девушке, будто он прав, предлагая ей такие необычные занятия любовью. На его счастье, все прошло практически без сучка без задоринки: Марина слишком любила его и считала такие предложения проявлением сильной страсти. А еще она была студенткой и наслушалась от своих однокурсниц фраз типа «Жена должна быть проституткой в постели», «с мужем позволено все».

Извращенный секс давал свои плоды. Он помогал Гурову почувствовать к бедняжке хоть какое-то влечение, однако по возможности юноша продолжал избегать постели, притворяясь больным или придумывая еще какие-нибудь хитрости. Когда Марина забеременела, Петр был на седьмом небе от радости. Все-таки он мужчина, и его миссия – дать потомство – выполнена. Что будет в дальнейшем с его браком, кардиолог не думал. Конечно, надо попробовать сохранить его, терпеть, сколько хватит сил у него и у жены. Петру порой было невыносимо жаль себя. Имея мать, жену и большое количество друзей, он никому не мог поведать о своей беде, раскрыть страшную тайну и просить совета.

В раздумьях и мучениях прошло три года. Он уже окончил медицинский и работал в больнице. Как-то вечером, возвращаясь с работы на метро, Петр вышел на своей станции и в подземном переходе увидел мальчика – бомжонка, стоящего с табличкой, на которой большими буквами было написано: «Помогите глухонемому сироте». Гуров достал из портмоне сто рублей, дал их мальчику, взял его за руку и отвел в ближайший бесплатный туалет. Там

он изнасиловал извивающегося ребенка, получив при этом такое наслаждение, какое ему и не снилось. Именно в тот момент Петр понял, что против природы не попрешь и ему придется идти по жизни своей дорогой. Следует заметить: он не особенно жалел о принятом там, в грязном подземном переходе, решении. Напротив, мужчина почувствовал такое освобождение, словно тяжелый груз, который ему приходилось тащить в угоду семье и обществу, непостижимым образом упал с его плеч. Марина, открывшая мужу дверь, поразилась выражению его лица, отражавшего, как в зеркале, его чувства. Она обняла и поцеловала Гурова, и он, обнимая ее в ответ, вдруг, неожиданно для себя, захотел оттолкнуть женщину и закричать: «Не надо, Марина, не замарайся об меня!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.